Солоницын Анатолий

30.8.94.

ЖИЛ НЕ ПО ЛЖИ

Артисту, сыгравшему Андрея Рублева, исполнилось бы сегодня 60 лет

Алексей СОЛОНИЦЫН, писатель

Я пишу эти строки, потому что жива моя память. И еще потому, что не было у меня человека ближе и роднее, чем старший брат.

Известия. – 1994. – 30 авг. – с. 7

Нынешние молодые знают Анатолия Солоницына по «Андрею Рублеву», но вряд ли они даже догадываются, что этот артист сыграл сорок шесть ролей в кино и почти сто ролей в театре. Это сказано не в укор: прошло уже двенадцать лет, как не стало Анатолия, да и жизнь круто поменялась. Но все же стоит напомнить, что не было почти ни одного значительного кинорежиссера шестидесятых–семидесятых годов, кто бы не хотел работать с Солоницыным. Конечно, прежде всего он был актером Андрея Тарковского – их творческая дружба продолжалась почти двадцать лет. «Солярис», «Сталкер», «Зеркало» – всюду для Анатолия находились роли. «Ностальгия» писалась специально для него, но сыграть главную роль в этом фильме Анатолий не успел – его сразила смертельная болезнь, эта же болезнь убила и Тарковского.

Почему же режиссеры столь разные, разных поколений – старшего: Герасимов, Алов и Наумов, Зархи; среднего – Шепитько, Климов, Панфилов; совсем молодые в то время – Абдрашитов, Михалков, Шамшурин и многие другие приглашали его сниматься?

Все они прекрасно знали, что это актер той самой русской школы, которая учит умению создавать совершенно разные, порою диаметрально противоположные образы. И Анатолий раз от разу доказывал, что он наследник этой великой школы, создавая то гения добра (Рублев), то гениев зла (Рыбник в «Легенде о Тиле», предатель Портнов в «Восхождении»), то романтиков (комиссар Евстрюков «В огне брода нет», архитектор Калмыков в «Любить человека»), то пройдох и пьяниц («Поворот», «А у нас была тишина», «Мужики!») – и еще многие-многие другие характеры.

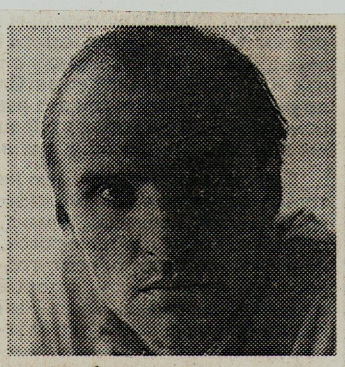
И вот еще что знали режиссеры: этот актер никогда не откажется от так называемой эпизодической роли, если в ней есть судьба. Более того, Анатолий терпеть не мог «герой-героичей», которые из фильма в фильм несут, как драгоценность, свои распрекрасные лицо и фигуру.

Когда начиналась жизнь в экспедициях, где все на виду и ничего не утаишь, оказывалось, что Солоницын совсем не тот человек, за которого его принимали: не капризная звезда, не надменный высоколобый барчук, а наоборот – готовый буквально на все ради совершенства роли трудяга. В финальном эпизоде, когда Рублев успокаивает рыдающего колокольных дел мастера Бориску, он после обета молчания должен был говорить хриплым, надтреснутым голосом. Анатолий перетянул горло шарфом, ни с кем не разговаривал и так ходил почти месяц – до дня озвучания. Мог охрипнуть на всю жизнь.

А в зрелые годы, уже известным артистом, хотел сделать пластическую операцию лица, чтобы быть похожим на обожаемого Достоевского – Тарковский собирался экранизировать для телевидения «Идиота», и Анатолию предназначалась роль Автора. Когда брат сказал мне об этом, я похолодел: как же **потом** играть с лицом Достоевского? «А зачем играть потом, – ответил он, – после такой роли можно спокойно умереть».

Снимать Тарковскому не дали. Позже, правда, был фильм «26 дней из жизни Достоевского», и Анатолий сыграл в нем главную роль, и даже получил «Серебряного медведя» в Западном Берлине за лучшую мужскую роль на том фестивале. Но это было совсем другое кино, нежели то, что сделал бы великий наш режиссер. Анатолия, однако, Тарковский «отчитал», запретив трогать лицо – у режиссера были новые планы.

Он любил помогать другим – может быть, потому, что сам очень тяжело входил в актерскую среду. Так, когда Элем Климов предложил ему играть Распутина в «Агонии», Анатолий отказался, считая, что не подходит для этой роли по физическим данным. И указал на актера, в то время мало кому известного, который работал вместе с ним в Театре имени Ленсовета в Ленинграде. Это был Алексей Петренко.



Анатолия любили за его бескорыстие, искренность очень разные люди. Но все-таки о сокровенном, главном – о Вере своей он говорил очень немногим. Тарковскому – да. Великие русские и западная религиозно-философские мысли, так тщательно скрываемые от нас десятилетиями, были ведомы Андрею Арсеньевичу, художнику очень высокой культуры и обширнейшей эрудиции. К вере своей Андрей Тарковский шел через разум. Анатолий – через чувства. Как ребенок. Тарковского он мог слушать часами.

Что же касается наставлений Андрея Арсеньевича в том, как надо вести на грешной земле, то тут Анатолий кивал, соглашался, а поступал по-своему: он никогда не мог потребовать для себя квартиры или ставки на съемку. Тарковский даже хотел женить Толю на какой-то богатой американке, которая была от Анатолия без ума. И все-таки внутренним чутьем Тарковский понимал, что эта «провинциальность» и есть сила Анатолия.

Мотаясь из города в город по съемочным площадкам, не имея, кроме гостиничной, крыши над головой, часто живя в долг, спотыкаясь и падая, порой ударяясь очень больно, Анатолий Солоницын жил в согласии со своей совестью.

САМАРА.

На снимке: Анатолий Солоницын.

Фото из семейного архива.

304